

Элеонора Гильм

ИСКУПЛЕНИЕ

МОСКВА

ЦИКЛ «ЖЕНСКАЯ САГА»:

Обмануть судьбу

Искушение

Волчья ягода

Счастье со вкусом полыни

Ведьмины тропы

Рябиновый берег

Элеонора Гильм

ИСКУПЛЕНИЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Редактор серии *Полина Корицкая*
Иллюстрация на переплете *Percival Liebe*

Гильм, Элеонора.
Г47 Искупление / Элеонора Гильм. — Москва : Эксмо,
2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215560-4

Аксинья Ветер, жена кузнеца, в свои двадцать четыре года перенесла немало тягот, оставшись вдовой при живом муже. В суровом мире, где голод и лишения — обыденность, а добро и зло переплелись, приходится бороться за каждый новый день. Но в жизнь Аксиньи вновь врывается любовь, запретная и осуждаемая всеми. Что принесет она — счастье или беду?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215560-4

© Гильм Э., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

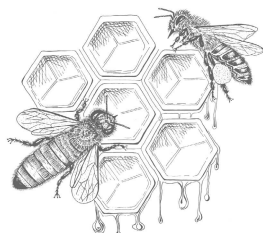
Посвящение

Маме — за вдохновение, ценные советы, без которых подобная дерзость была бы невозможна.

*Андрею — за твердую веру
в мою творческую звезду.*

*Папе — за звучный псевдоним и глубокий интерес
к истории русской деревни.*

Пролог

— Мужики принесли его. — Подруга погладила плечо Аксиньи, глянула тревожно.

Аксинья кивнула. Не нужны были объяснения, и так ясно, кого несли сейчас к избе мужики. На широкой сосновой доске лежал узкий сверток, замотанный в полотно белого льна — Марфа дала, не пожалела доброй ткани.

Аксинья вышла на порог и схватилась за перильца. Ноги ее подгибались, горло пересохло, а перед глазами сгущалась тьма. Как посмотреть на него, как пережить, как прощения молить за содеянное...

Снявши шапки, мужики осторожно положили на стол доску с полотняным свертком. Перекрестились, поклонились иконам. Георгий Заяц бросил сочувственный взгляд на Аксинью, но побоялся вымолвить хоть слово — так страшен был ее вид.

— Георгий, скажи, он... — Теряла слова, не понимала, как завершить страшный свой вопрос.

— Он лежал подле коровы. Рядом рога, коровьи кости... Все обгоревшее.

— Мучился? — зачем-то спросила она и спохватилась.

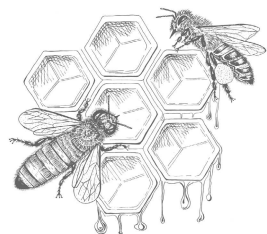
Ведь и сама знала о том, как страшна смерть сгоревшего заживо человека. Одна надежда — задохнулся. Иль упавшие стропила могли быстро оборвать мучения. Да кто ж теперь узнает...

Аксинья и подруга ее, Параскева, застыли над покойником. Последнюю ночь проведет он в доме невесты своей, а потом отправится на место вечного успокоения, под бок к отцу.

Трясущейся рукой Аксинья откинула белое полотно. Попрощаться с ненаглядным родичем, посмотреть последний раз на милое лицо... Саван выскользнул из рук, она медленно осела на пол. Параскева подхватила ее, потащила к лавке, протянула ковш с водой.

Закопченное, темное, высохшее, оскалившееся в жуткой ухмылке лицо не похоже на родной лик, как бес не похож на ангела. Жестокий огонь исказил цветущее жизнью лицо, высушил тело, и даже привычная ко всему Аксинья не могла избавиться теперь от этого образа...

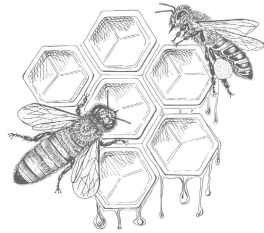

СЕМЬЯ

1. Раздоры

Рано сгустившаяся тьма таилась за окном, шепталась с бесами, напевала колдовские заклинания. Избу освещали две лучины, вставленные в кованый поставец. Тихо поскрипывала в задней части избы люлька. Сплетенная из липовой коры, украшенная солнцем и звездами, она использовалась далеко не впервые. Под нарядным белым покрывалом спал младенец. Люльку качала пожилая женщина, и в полудреме не оставлявшая своего занятия. Темные волосы ее припорошила седина, лицо хранило следы былой красоты и больших печалей.

Под люлькой растянулся черный кот, нахально растопырив лапы. Сидящий рядом мальчуган крутил тряпичную куклу, пытаясь оторвать голову в нарядном красном платке.

— Васька, отдай куклу. Не для тебя делана. — Молодую подняла голову от шитья. Не старше двадцати лет, ладно скроенная, с пучком русых волос и тихим голосом, всем была бы она хороша, кабы не темное пятно, обезобразившее милое лицо. И ласковый взгляд болотно-зеленых глаз, брошенных на сына, и чуть вздерну-

тый нос терялись под наказанием Божьим, портившим природную прелесть.

— Пусть побалуется, Софья, мал совсем. Я новую тряпичницу смастерю, — сказала темноволосая женщина, лицо которой пряталось в тени. Она рассыпала на дощатом столе засохшие стебли и листья трав, перетирала их в труху.

— Мой сын! Мне лучше знать, что дозволено, а что нет. — Софья возразила все тем же тихим голосом, но сын ее вскинул испуганный взгляд.

— Исяаа... ись.

— Есть хочешь, Васенька? — Темноволосая женщина сыпала последнюю горсть травы в мешок и встала из-за стола. — Сейчас каши поедим.

Легким движением она вытащила из печки небольшой чугунок и стала соскребать остатки со стенок. Теперь стало видно, что она молода, немногим старше Софьи. На узком лице горели темные глаза, чуть вытянутые к уголкам. Они выдавали инородческую кровь, текущую в ней. Темные волосы чуть пушились на висках, выбившись из косы. Ладная фигура, небольшие руки выделяли ее среди крестьянок, обычно пышных и ширококостных.

— Аксинья, отдай!

Софья выдернула у темноволосой молодухи ложку, принялась кормить сына сама, ударив его деревянной ложкой по губе. Васька разнюнился.

— Сусанка твоя как на дрожжах растет на молоке. Чужих детенышей молоком кормишь... А мой Васька пусть кашей давится! — Софья звенела раздражением

и даже имя Аксиньиной дочки не выговорила, а выплюнула в лицо.

Кто ж виноват, что крестили младенца в день поминовения Сусанны Солинской¹. Редкое имя, чудно звучит. Во всей округе не сыскать. Аксинья звала дочку Нютой — в честь матери, но полное имя не забывала.

— Васька старше, уж отнят от груди, ему и каша сгодится. — Аксинья отгеснила невестку, ласково зашептала что-то крикуну. Она улыбнулась своим мыслям и засунула ложку с кашей в Васькин разверстый рот. Мальчонка охотно проглотил рассыпчатое варево.

— Что вы ругаетесь, девоньки? — Пожилая женщина вырвалась из объятий сна. — И меня разбудили.

— А как не ругаться, матушка? Голод измором нас берет. Или не видите, что творится?

— Софьюшка, молодая ты еще, резкая. Даст Бог, сами выживем, и дети голодными не останутся.

— Мне завтра маслица с молоком должна принести Дарья. Сыпь с лица ее сошла, — проговорила Аксинья. — Сказала, расплатится.

— Ты обещаешь, обещаешь, а толку... Не могу тут. — Софья сорвала с крючка платок и тулуп, выскочила на улицу.

Аксинья и Анна переглянулись. Сытый Васька крутился волчком, ничуть не расстроенный выходками матери.

— Да, доченька, неладное что-то творится с Софьей.

¹ Сусанна Салернская (Аксинья искажает имя) — святая преподобномученица. — *(Здесь и далее примечания автора.)*

— Она как сухое сено, любая искра — вспыхивает. Изменилась.

— Все мы стали другими, — вздохнула Анна и затащила протяжно:

Бай-бай, бай-бай!
Спи-ко, Нюта, в зыбке старой
На периночке пуховой.
Бай-бай, люли, бай,
На периночке пуховой —
Много перья петухова...

— Спит Нютка?

— Спит. Посапывает тихонечко. Чудо-дитя, радость моя на старости лет. Ей да Васькой живу, о них молюсь и забочусь, — бормотала Анна себе под нос.

Аксинья подошла к люльке, нежно поправила одеяло. Несколько мгновений она не отрывала взгляда от крошечного носа и румяных щек.

— По сию пору поверить не могу. У меня — дочь. После стольких лет... Проснусь ночью — и вздрагиваю. Привиделось — иль правда.

— Такое счастье не привидится, — устало улыбнулась Анна.

— А ты кто? Что ж такое делается?

Их приглушенный разговор был прерван истошным криком Софьи.

— Что приключилось опять? Матушка, сиди. Посмотрю, чего там Софья надрывается.

Васька оживленно крутил темной кудрявой головкой. Отбросив в сторону тряпичную куклу, он, чуть

